

С. В. МИХАЛКОВ

Вожди и нравы

<Фрагмент>

<...> Теперь — о Никите Сергеевиче Хрущеве, с которым судьба сводила меня не раз. Кстати, мой сын Никита — тезка Никиты Сергеевича, и злые языки, коих у нас предостаточно, распространяли слухи, будто бы я намеренно назвал сына Никитой, чтобы «угодить» вождю. Забывают при этом, что мой Никита родился задолго до того, как Хрущев стал руководителем государства, когда это никому и присниться не могло. Ну, да что поделаешь с зубоскалами? — на чужой роток не накинешь платок.

Итак — Хрущев. Поначалу мне нравилась эта самобытная фигура, нравилось его мужество, когда он первым осмелился восстать против культа Сталина, против сталинских репрессий. Именно Хрущев первым заговорил о всеобщем разоружении, с его именем связывают и так называемую «оттепель» — такое название этого периода нашей истории связано с одноименным романом Ильи Эренбурга¹. С приходом Хрущева на пост первого секретаря ЦК КПСС явно начала меняться обстановка в стране.

Мне запомнилось, как Никита Сергеевич сам взялся сделать доклад на одном из писательских съездов² — к писателям в то время руководство страны относилось с большим уважением, и доклад Хрущева свидетельствовал о том огромном внимании, какое проявляли «наверху» к писательскому сообществу.

Но конечно же сам текст доклада писали помощники Хрущева, и, видимо, этот текст Никиту Сергеевича не удовлетворил. Выйдя на трибуну, он сразу же отложил заготовленный заранее доклад в сторону и начал говорить «от себя». Говорил долго, в целом интересно, однако не всегда грамотно и обо всем. Но кое-что важное, на мой взгляд, упустил. В частности, говоря о литературе, он ничего не сказал о таком жанре, как сатира. По моему мнению, это было политически неверно. К тому же этот вопрос имел для меня

особое значение, поскольку я в то время выпускал Всесоюзный сатирический киножурнал «Фитиль»³.

Этот киножурнал был острым, а потому далеко не всем нравился. После доклада Хрущева ко мне сразу подошли наши чиновники от литературы и недвусмысленно заметили: «Никита Сергеевич ничего не сказал о сатире... Нужна ли она теперь?»

Чиновник — на то и чиновник, чтобы прислушиваться к каждому слову свыше и «реагировать» на него: не сказано о сатире — значит, сатира не нужна.

Я понимал: положение надо исправить. И немедленно.

Поэтому на приеме в Георгиевском зале по случаю писательского съезда подошел к Хрущеву и сказал:

— Вы не упомянули о сатире.

— Что такое? — удивился Хрущев. — А почему я должен был еще о чем-то упоминать?

— А потому, — ответил я, — что вы же знаете, что каждое ваше слово будут теперь цитировать, изучать. И если вы ничего не сказали о сатире, то значит вы, Никита Сергеевич, к этому жанру плохо относитесь, и это может иметь роковые последствия не только для литературы...

— А где же мне это сказать? — заинтересованно спросил Хрущев.

— А вот прямо сейчас скажите в микрофон!

Хрущев подошел к микрофону и обратился к собравшимся:

— Вот тут товарищ Михалков говорит, что я ничего не сказал о сатире. Сатира нам нужна, она нам очень помогает! — И повернулся в мою сторону: — Ну, вот я и сказал!

Но я снова обратился к нему:

— Надо, Никита Сергеевич, чтобы ваши слова попали в стенограмму вашего доклада, тогда о них узнают все.

Хрущев тут же подозвал главного редактора «Правды» П. А. Сатюкова и дал указание:

— То, что я сказал сейчас о сатире, вставьте в доклад!

Этот эпизод только с виду кажется простым, любопытным, да и только. На самом деле, за ним встает и прежнее, и сегодняшнее чиновничье политиканство. Я, конечно, не читал тот текст, который загодя подготовили для Никиты Сергеевича в качестве доклада на писательском съезде, но уверен, что в нем ни слова о сатире сказано не было. Поэтому не очень сведущий в литературных вопросах Хрущев о сатире и не вспомнил. А сегодня, когда я не слышу в речах наших лидеров ни одной цитаты из русской литературной классики, даже из Салтыкова-Щедрина, который так и просится в доклады любой важности, я тоже думаю о том, что это позиция каких-то чиновников. А подсказать лидеру мысль

о том, сколь важна литература в наши дни для воспитания нравственности, поступить так, как я когда-то заступился за сатиру перед Хрущевым, — видимо, некому. Хотя, конечно, возможны тут и другие объяснения...

А вот другой эпизод, тоже связанный с Хрущевым.

Раньше на пленумы ЦК КПСС приглашали много гостей, в том числе писателей. Меня тоже приглашали неоднократно.

И однажды перед началом очередного Пленума ЦК ко мне обратились некоторые товарищи, ратовавшие за сохранение памятников старины, — это истинно писательская позиция. Они попросили меня передать Хрущеву письмо, в котором предлагалось создать Общество охраны памятников культуры. Ведь я не только присутствовал на том Пленуме, но мне даже предоставили слово. И вот, выступая с трибуны, я передал письмо в президиум, лично товарищу Хрущеву.

Передаю письмо в президиум, а Хрущев не берет. И громко говорит:

— Не возьму!

Я в дурацком положении: на глазах всего Пленума идет обмен репликами с первым секретарем ЦК КПСС. Но отступить мне некуда, и я все-таки дождал его: в конце концов Хрущев уступил и с сердитым видом принял письмо. Я вернулся в зал и жду, чтобы кто-нибудь из выступающих после меня поддержал идею о создании Общества охраны памятников культуры. Ни один человек не поддержал! Все в кусты ушли!

А в заключительном слове Хрущев вдруг говорит:

— Вот тут Михалков защищает памятники старины...

Он резко раскритиковал содержание переданного мною письма.

И тут же, прямо на трибуне в своей экспрессивной манере что-то порвал. Не знаю, что именно: то ли текст письма, то ли свои заметки.

Я, конечно, знал, что Хрущев выступает против церкви, что он нанес ей много вреда. Но памятники старины... Не думал я, что его гнев распространяется и на историко-культурные ценности. А по всей Москве уже поползли слухи: дескать, Михалков вылез на Пленуме, а ему дали по мозгам. Снова хочется повторить: злые языки, в таких случаях всегда находятся.

И тем не менее общество охраны памятников истории и культуры все же было создано⁴ и достойно служит Отечеству. Я горжусь тем, что, по сути дела, стоял у его истоков и первым поставил о нем вопрос с самой высокой трибуны страны.

Вот таким был Хрущев — сложным, противоречивым человеком. Но — человеком! С ним можно было спорить, его порой

можно было переубедить. А порой он проявлял упрямство, непростительное для лидера великой страны, который обязан не эмоционально, а очень вдумчиво подходить к любому вопросу, который волнует общественность.

Впрочем, что касается Пленумов ЦК, то сохранился в памяти и веселый эпизод, прямого отношения к Хрущеву не имеющий. Был случай, когда два секретаря крайкомов, сидя в зале во время Пленума, вдруг начали хохотать. Хрущев из президиума сердито их одернул: «Вы что, на концерт пришли? Что вы там смеетесь?» Один из секретарей и ответил: «Извините, Никита Сергеевич, мы тут басни Михалкова читали!» Оказывается, во время перерыва они купили в киоске мою книжку. Открыли, прочитали одну из басен — и расхохотались⁵. Вот так всегда: серьезное и смешное часто идут рядом.

